

УДК 81'366.58

DOI: 10.17223/19986645/40/6

Т.И. Стексова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С СЕМАНТИКОЙ НАПРАСНОСТИ)

Статья посвящена одной из малоизученных факультативных модусных категорий. Предметом исследования является частный случай проявления субъективного смысла в высказывании – напрасности. Рассматриваются место этой категории в кругу смежных, а также частные значения напрасности, способы их выражения и особенности функционирования данной семантики в высказываниях. Цель статьи – выявить и проанализировать закономерности взаимодействия частного значения напрасности и грамматической глагольной категории времени. Приводятся статистические данные частотности употребления маркеров субъективного смысла в сочетаниях с глаголами в разных формах. Высказывается и обосновывается утверждение о том, что прагматика обуславливает выбор формы глагола. Фиксируется жанровая ограниченность высказываний с семантикой напрасности.

Ключевые слова: высказывание, грамматика, семантика, модусная категория, прагматика, взаимодействие, функционирование.

Как известно, высказывание, каким бы элементарным оно ни было, состоит в том случае, если в нем информация о мире, объективной действительности соединится с информацией субъективной – идущей от говорящего и момента общения. Поэтому внимание современных лингвистов привлекает субъективный аспект высказывания, или, используя терминологию Ш. Балли, модус [1]. В русистике уже была предпринята вполне успешная попытка выделить все возможные субъективные смыслы, которые формируют модус-потенциал высказывания, систематизировать их, представив в виде комплекса обязательных и факультативных модусных категорий [2, 3]. Многие субъективные смыслы, в первую очередь обязательные (авторизация, персуазивность), уже подробно исследованы в русском языке [4]. Описаны в лингвистической литературе и некоторые факультативные модусные смыслы: оценочность [5], странность [6], невольность осуществления [7], вынужденность действия [8] и др. Уже отмечалась принципиальная возможность разных способов взаимодействия диктума с факультативными модусными категориями.

Некоторые из них, такие как странность, оценочность, образуют модальную рамку, внутри которой сообщается диктумная информация: *Странно, что он не позвонил. Хорошо, что он пришел.* В других случаях модусная квалификация информации, такая как невольность осуществления или вынужденность действия, не образуя модальной рамки, может встраиваться внутрь диктума [9].

К подобным модусным смыслам относится и **напрасность**, под которой мы понимаем квалификацию говорящим события или мнения как совершенно-

го/совершающегося **напрасно, зря**. Он *напрасно* позвонил ей. Пропозиция действия: X позвонил У. Лексема *напрасно*, встраиваясь в диктумное содержание, выражает субъективное отношение говорящего к названному объективному событию, т.е. выражает субъективный модальный смысл. Итак, **напрасность** рассматривается как факультативная кваликативная модусная категория, более подробное обоснование такого понимания изложено в работах [10, 11].

Этот модальный смысл связан с понятием деятельности как таковой и действия в частности. А.Н. Леонтьев указывает на два обязательных компонента любой деятельности человека: наличие мотива и цели, причем подчеркивает, что «деятельности без мотива не бывает; «немотивированная» деятельность – это деятельность не лишенная мотива, а деятельность с субъективно и объективно скрытым мотивом» [12. С. 48]. Целенаправленное действие в норме всегда целесообразно, так как предполагает, что субъект этого действия предпринимает определенные усилия, чтобы действие успешно осуществилось. Употребление говорящим лексем, которые указывают, что «этап обдумывания действия был пройден субъектом неадекватно» (неосторожно, неосмотрительно, опрометчиво и под.), и лексем, «констатирующих, что выбранный субъектом способ достижения желаемого является неверным» (бессмысленно, бесполезно, бесперспективно), свидетельствует о нецелесообразности действия [13. С. 63]. Значение целесообразности/нецелесообразности действия выделяется не всеми лингвистами по той причине, что оно чаще всего синкретично с другими модальными значениями [14. С. 13]. Представляется, что категория нецелесообразности действия тесно связана и с модусным значением напрасности. Однако понятие нецелесообразности гораздо шире понятия напрасности. Любое напрасное действие является нецелесообразным, в то время как не всякое нецелесообразное действие оказывается напрасным.

Действие, оцененное говорящим как напрасное, может являться таковым по разным причинам. Описывая лексическое значение лексемы «напрасно», Анна А. Зализняк [15, 16] выделяет три частных случая:

- неэффективность действия, безрезультатность;
- ошибочность мнения;
- оценочность.

Ср. примеры:

1. *Томительно-призывно и напрасно*

Твой чистый луч передо мной горел;

Немой восторг будил он самовластно,

Но сумрака кругом не одолел (А. Фет). Напрасно, т.е. безрезультатно.

2. «*Напрасно не предложил вдвоём поехать в санаторий*», – *выходя из комнаты, укорил себя Павел Алексеевич* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // Новый мир, 2000] Напрасно, т.е. ошибочно.

3. *Напрасно!*

Куда ни взгляну я, встречаю везде неудачу,

И тягостно сердцу, что лгать я обязан всечасно;

Тебе улыбаюсь, а внутренне горько я плачу,

Напрасно (А. Фет).

Представляется, что значение оценочности – неотъемлемая составная часть всей семантики напрасности (хотя и не равная ей по объему), поэтому выделение третьего случая, на наш взгляд, неправомерно.

Отметим, что если в первых дух примерах семантика напрасности выражена наречиями, то в последнем – предикативом (словом категории состояния). Семантика напрасности может выражаться большим кругом языковых средств, в качестве маркеров можно назвать синонимичные лексемы: *понапрасну, даром, зря, впустую, безрезультатно, бесполезно, тщетно, бесплодно, попусту* и др., а также различные фразеологические сочетания с той же семантикой: *псу под хвост; метать бисер перед свиньями* и под. В статье же ограничимся анализом только трех наречий: **напрасно, тщетно, зря**, которые представляются ядерными, основными средствами выражения.

С точки зрения используемой Е.М. Вольф классификации типов существующих оценок высказывания с семантикой напрасности могут трактоваться как высказывания с интеллектуально-логической оценкой, так как говорящий всегда опирается на какие-либо собственные или социальные стереотипы [5. С. 15]. Итак, если под действием (физическим или ментальным) понимать «процесс, подчиненный сознательной цели» [12. С. 48], то действие, не достигшее нужной цели или не принесшее ожидаемого результата, будет оцениваться говорящим как напрасное, безрезультатное. Действия, а также неконтролируемые состояния могут постфактум оцениваться как ошибочные.

Семантическим стержнем напрасности является понятие результативности действия. Напрасное действие, всегда имеющее отрицательную коннотацию, отсылает нас на противоположный полюс шкалы результативности, т.е. к антирезультативности и безрезультатности. Понятие антирезультативности имеет более широкое значение и в этом смысле понимается как показатель нарушенной результативной фазы [17, 18]. Под результативной фазой понимается процесс протекания любого действия от своей начальной точки до какого-либо результирующего состояния, которое может возникнуть или не возникнуть. Соответственно, нарушение результативной фазы может произойти в разных моментах протекания действия. Поэтому частные значения напрасности напрямую зависят от результата того или иного действия, а также момента его квалификации говорящим. В условиях определенной коммуникативной ситуации происходит актуализация того или иного значения. Подобная актуализация может происходить по двум параметрам: для говорящего оказывается важнее подчеркнуть сам процесс действия как не имеющий достаточных оснований, причин (т.е. ошибочный) или же оценить его результат с точки зрения достижения/недостижения поставленной цели (т.е. безрезультатность). Одним из вариантов безрезультатной ситуации является значение конативной безрезультатности. Под конативностью понимается стремление, попытка достичь положительного результата действия [19]. В высказываниях семантика конативной безрезультатности очень часто подчеркивается языковыми средствами, принадлежащими к разным частям речи с семой «попытка», «усилие»: существительными (*попытка, усилие*), глаголами (*пытаться, силиться, тщиться*), а также глаголами с отрицанием (*не удалось*), наречиями (*безрезультатно, бесполезно*). Безрезультатность не всегда сопровождается конативным значением. Если актуализации конативности не про-

исходит, на первый план выходит мотивировка безрезультатного действия: *К Лебедеву отсылать бесполезно – все равно отфутболит обратно* (А. Митьков). Вторая предикативная единица называет причину, по которой действие, названное в первой предикативной единице, представляется говорящему безрезультатным.

О семантике напрасности нельзя говорить без учета грамматического аспекта. На взаимодействие модальных, субъективных смыслов с другими категориями лингвисты неоднократно уже указывали [20]. Рассматривались проблемы, связанные с условиями реализации отдельных модусных значений; взаимосвязь модальности с другими функционально-семантическими категориями (субъектностью, таксисом, темпоральностью и др.).

Сбор языкового материала с семантикой напрасности производился с помощью Национального корпуса русского языка. Анализ этого материала показал, что синонимы **напрасно**, **тщетно**, **зря** функционируют по-разному, отличаются частотностью употребления в сочетаниях с глаголами в разных формах времени и лица. Поэтому возник вопрос: чем обусловлены эти различия в функционировании? Как взаимодействуют семантика и грамматика? В статье [21] рассматриваются варианты соотношения субъекта речи, субъекта действия и субъекта модусной квалификации действия как напрасного. Высказывается предположение о частотности несовпадения субъекта действия и субъекта оценки и о связи частного значения с объектом квалификации.

В данной статье рассмотрим взаимодействие с категорией времени. Национальный корпус русского языка дает следующую статистическую информацию:

- 1 439 примеров в 1017 документах, где наречие *напрасно* сочетается с глаголом в настоящем времени;
- 197 примеров в 176 документах, где данное слово сочетается с глаголом в будущем времени;
- 2 295 вхождений в 1 332 документах, где *напрасно* сочетается с глаголом прошедшего времени.

Такая статистика вполне закономерна. Оценить какое-либо действие, положение дел в действительности как безрезультатное или ошибочное можно постфактум. Именно поэтому наиболее частотным является сочетание с глаголами в прошедшем времени. Причем значение безрезультатности чаще всего реализуется в сочетаниях с глаголами в прошедшем времени:

Напрасно уверял и успокаивал себя – ибо в душу уже вселилась тревога [Анатолий Азольский. Лопушок // Новый Мир, 1998].

Реже, но вполне допустима реализация этого значения в сочетаниях с глаголами в будущем времени:

- *Но напрасно будем мы искать в книге Ростопцкого упоминание о Мейерхольде* (Ю. Елагин. Темный гений, 1998).
- – *Только лошадь напрасно заморит...* [Д.Н. Мамин-Сибиряк. Ак-Бозат, 1895].

Эта возможность будущего времени объясняется тем, что данные высказывания представляют собой предупреждение или предостережение, говорящий знает, предвидит и предупреждает о безрезультатности планируемого действия. В первом примере говорящий точно знает, что в книге нет упоми-

нения о Мейерхольде (он ее уже прочитал, и хотя используется местоимение *мы*, говорящий предупреждает своих читателей), во втором – говорящий опирается на свой жизненный опыт, позволяющий предполагать развитие событий в подобных ситуациях в будущем. Таким образом, использование формы будущего времени прагматически обусловлено. Хотя в словарях лексемы *предупреждение* и *предостережение* толкуются одно через другое (МАС: предупреждение – 2. *То, что заключает в себе предостережение*), жанры предупреждения и предостережения все-таки различаются. Предупреждать можно как о каком-то позитивном событии, так и о событии, которое оценивается говорящим негативно. Предостережение же всегда связано с негативной оценкой предстоящего события. Так, Л.А. Бирюлин включает в число императивных высказываний со стандартной семантикой побуждения высказывания со значением превентива, в которых выражается предостережение, адресованное некоторому лицу, предложение проявить осмотрительность и не совершить действие, способное нанести ущерб или вред этому лицу или каким-либо третьим лицам [22].

Значение ошибочности реализуется в высказываниях с глаголами во всех временных формах, возможно и настоящее время:

- *Напрасно говорят, что гольф, мол, элитный вид спорта и в него играют только богатые* (Николай Зуев. Девчонки, которых клюшки не пугают, 2002 // «100% здоровья». 2002. 11 нояб.).

- *В результате, считают экономисты, страна напрасно тратит как минимум 600 миллионов долларов, что составляет треть бюджета высшего образования* (Ирина Мельникова. Школа выживания, 2003 // Итоги, 2003. 2 нояб.).

В первом примере говорящий оценивает речевое действие как необоснованное, ошибочное. В подобных случаях трансформация временной формы глагола (*говорят – говорили – будут говорить*) не меняет модусного значения. Второй пример и подобные ему также реализуют семантику необоснованности, ошибочности действия, которое может быть названо глаголами и настоящего, и прошедшего времени. Ошибочность действия можно зафиксировать как в процессе этого действия, так и после его завершения.

Таким образом, взаимодействие модусных значений с глагольной категорией времени можно схематично представить следующим образом:

Значение	Настоящее время	Будущее время	Прошедшее время
безрезультатность	–	+	+
ошибочность	+	+	+

Если сопоставить эти данные со статистическими данными Национального корпуса русского языка, то бросается в глаза некоторое несоответствие: при том, что сочетание *напрасно* + *Vfut* может выражать и безрезультатность, и ошибочность, оно наименее частотное. Представляется, что этот факт можно объяснить жанровой ограниченностью: такие сочетания возможны только в жанрах предупреждения и предостережения.

Оба частных значения напрасности имеют отрицательную коннотацию в сознании говорящего. Интересно отметить, что в словарной статье «Русского

ассоциативного словаря» (2002) реакции на слово *напрасно* связаны чаще всего с глаголами, которые обозначают действия с определенными усилиями: *стараться, пытаться*, т.е. со значением безрезультатности. Стимулы же, вызвавшие в качестве реакции лексему *напрасно*, – глаголы *обещать, ждать, надеяться, тратить*, которые связываются в сознании говорящих с обманом, неоправданными надеждами, т.е. чаще реализуют семантику ошибочности.

Тщетно

Наречие *тщетно* является синонимичным наречию *напрасно* в первом значении (безрезультатно): *Зубр крутил бинокль, тщетно пытаясь что-то высмотреть* (Даниил Гранин. *Зубр*, 1987). Но в функционировании этих синонимов есть существенные различия.

В Национальном корпусе русского языка зафиксировано 748 примеров сочетания данного наречия с глаголом в наст. вр.: *Алексей Алексеевич, я тщетно прошу вызвать из Казани Вайспатир, она незаменимый специалист по ядерной фотографии*. (Василий Гроссман. *Жизнь и судьба*. Ч. 2).

33 случая сочетаний с глаголом в буд. вр.: *На таких лампах вы **тщетно** будете искать выключатель — они загораются сами, «чувствуя» приближение хозяина*. (Мария Русанова. *До лампочки*, 2004) // *Парадокс*, 2004. 5 янв.].

1258 примеров сочетаний с глаголом в прош. вр.: *После Арнольда я тщетно пытался найти режиссёра* (И.Э. Кио. *Иллюзии без иллюзий*, 1995–1999).

Безоговорочное преобладание сочетаний с глаголами в прош. вр. вполне логично: действие оценивается как безрезультатное после его совершения. Также вполне объяснимо и малое количество сочетаний с глаголами в буд. вр. жанром предостережения. Интерес представляют примеры с глаголами в наст. вр. С одной стороны, нельзя считать действие безрезультатным до его завершения, с другой стороны, статистика показывает большую частотность таких сочетаний по сравнению с буд. вр. Анализ примеров позволяет предположить, что сочетание *тщетно* + глагол в наст. вр. возможно в тех случаях, когда речь идет о неоднократном действии: *тщетно прошу* = безрезультатно просил несколько раз и продолжаю просить.

Ср.: *Все люди виноваты перед матерью, потерявшей на войне сына, и **тщетно пробуют** оправдаться перед ней на протяжении истории человечества* (Василий Гроссман. *Жизнь и судьба*. Ч. 1).

Наст. вр. не имеет в таких примерах значения актуального настоящего.

Итак, если наречия *напрасно* (в знач. «безрезультатно») и *тщетно* одинаково легко сочетаются с глаголами в прош. вр., возможность сочетания с глаголами в наст. вр. зафиксирована только для наречия *тщетно*.

Значение	Настоящее время	Будущее время	Прошедшее время
безрезультатность	+	+	+

Зря

Лексема *зря* реализует семантику напрасности в двух значениях: и безрезультатность, и ошибочность. Ср:

Вчера пошли узнать про курсы англ. около дома – так Ваня всю дорогу твердил – запишите меня – ходить не буду, учить не буду, вы зря потратите деньги... (Наши дети: Подростки, 2004) = безрезультатно.

А пиено можно продать военным, железнодорожникам, на горючее обменять. Так что рушилку зря отдаёте. Чем так торговать, как говорится, лучше уж воровать (Борис Екимов. Пиночет, 1999) = ошибочно.

По данным Национального корпуса русского языка данное наречие сочетается с глаголами в формах наст., прош. и буд. вр.

Так, на сочетание с глаголом наст. вр. зафиксировано 702 примера; с глаголами прош. вр. – 875 примеров; с глаголами буд. вр. – 98 примеров.

Сочетания с глаголом в наст. вр. реализуют семантику и безрезультатности, и ошибочности.

– Но, кажется, я зря сотрясаю воздух. Ты меня не слушаешь (Мариам Петросян. Дом, в котором... 2009) = безрезультатно.

Симпатичная стюардесса не стала призывать его к порядку, а лишь мило улыбнулась: – Вы зря спешите. Трап подадут минуты через три. (Сергей Романов. Парламент, 2000) = ошибочно.

Сочетания с глаголами в прош. вр. чаще реализуют семантику ошибочности:

Всё хорошо прошло, только зря я волновалась (Наши дети: Подростки, 2004).

Пригорюнившийся Женовач и ещё более пригорюнившаяся театральная Общественность решили, что хорошего много не бывает. Зря решили. Дружную «свою» команду Женовач неожиданно нашёл в Малом, что почти чудо (Ольга Романцова. Сергей Женовач. Театр не может быть индивидуальным, 2003) // Известия, 2003. 30 янв).

Реализация семантики безрезультатности в прош. вр. менее частотна:

Ей-то бы не пришло в голову упрекать, судить, казнить себя за то, что зря потратила свою жизнь (И. Грекова. Фазан, 1984).

Более частотны примеры сочетания с этой семантикой с отрицанием:

Сочинить раз в жизни такую песню – тогда можно было бы и умереть: не зря жил. (И. Грекова. Фазан, 1984).

Сочетания с глаголами в буд. вр. способны выразить и безрезультатность, и ошибочность: *Нет, сейчас не надо ехать на вокзал, только зря скатаюсь, лучше завтра* (Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки, 2004) = безрезультатно.

– Нет, лучше пусть меня обманут, чем я зря обижу кого-то, – настаивала Панкратова, которая с младенчества привыкла в интернате к тому, что ее любят только тогда, когда она ко всем добра и «хорошо себя ведет» (Петр Акимов. Плата за страх, 2000) = ошибочно.

Небольшое количество зафиксированных примеров можно объяснить тем, что данная форма жанрово ограничена, она функционирует только в жанре предположения или предостережения.

Значение	Настоящее время	Будущее время	Прошедшее время
безрезультатность	+	+	(+)
ошибочность	+	+	+

Таким образом, можно отметить, что семантика напрасности определяет возможность и частотность сочетания с глаголами в разных временных формах. Синонимичные лексемы *напрасно*, *тщетно* и *зря*, являющиеся маркерами модуса напрасности, имеют свои особенности в функционировании: так, для обозначения безрезультатности действия используются маркеры *тщетно* и *зря* в сочетании с глаголами в форме настоящего, будущего и прошедшего времени, а маркер *напрасно* только в сочетании с глаголом в форме настоящего и будущего времени. Значение ошибочности действия маркируется наречиями *напрасно* и *зря* в сочетании с глаголами во всех временных формах. Прагматическая обусловленность выбора глагольной формы проявляется, в частности, в жанровой ограниченности высказывания.

Литература

1. Балли Ш. Язык и жизнь. М., 2003.
2. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций. Красноярск, 1988.
3. Шмелева Т.В. Субъективные аспекты русского высказывания: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995.
4. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
6. Пушкарева О.В. Модальность странного: взгляд сквозь призму авторского сознания Пушкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998.
7. Стеклова Т.И. Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции. Новосибирск, 2002.
8. Лесонен Н.В. Высказывания с семантикой вынужденного действия в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2008.
9. Стеклова Т.И. Внутривопрепятственность модальной семантики «невольность осуществления» // Вopr. русского языкознания. Вып. 12: Традиции и тенденции в современной грамматической науке. М., 2005.
10. Стеклова Т.И. «Напрасность» как факультативная модусная категория // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства: сб. ст. Всерос. науч. конф. Т. 1. Уфа, 2012.
11. Стеклова Т.И. Высказывания с семантикой напрасности в русском языке // Croatica et Slavica Iadertina VIII/II. Zadar, 2012.
12. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
13. Труб В.М. Лексика целесообразной деятельности // Логический анализ языка: ментальные действия. М., 1993. С. 58–66.
14. Романова В.Н. Выражение модального значения целесообразности/нецелесообразности действия в односоставных глагольных предложениях: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
15. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления: автореф. дис. ... д-ра филол. наук, М., 2003.
16. Зализняк А.А. Феномен многозначности и способы его описания // Вopr. языкознания. М., 2002. С. 20–45.
17. Плунгян В.А. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. М., 2001. Вып. 1. С. 111–151.
18. Плунгян В.А. К определению результата // Вopr. языкознания. 1989. № 6. С. 124–149.
19. Баранова Н.А. Средства выражения конативной безрезультатности в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005.

20. *Модальность в ее связях с другими категориями: межвуз.: сб. науч. тр.* Новосибирск, 1992.

21. *Стеклова Т.И.* Соотношение субъекта действия и субъекта модусной квалификации в высказываниях с семантикой напрасности // Урал. филол. вестн. Вып. 4: материалы Всерос. семинара с междунар. участием «Психолингвистика в образовании и аспекты изучения лингвокреативных способностей». Екатеринбург, 2015.

22. *Бирюлин Л.А.* Семантика превентива // Функциональный анализ языковых единиц. М., 1989. С. 54–71.

THE INTERACTION OF GRAMMATICAL AND SEMANTIC CATEGORIES IN SENTENCES WITH THE SEMANTICS OF VAIN

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 2 (40), 84–93. DOI: 10.17223/19986645/40/6

Steklova Tatiana I., Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: steklova@inbox.ru

Keywords: utterance, grammar, semantics, modus category, pragmatics, functioning, interaction.

The article is devoted to one of the little-known modus optional categories. The subject of research is a special case of manifestation of subjective meaning in the sentence – vain. The author considers this subjective meaning as an optional qualification category which can be expressed in the sentence by various lexical means. The feature of this category is that it does not form a modal framework, and is embedded inside of dictum. The category under study is directly related to the concepts of intellectual and logical negative assessment and the appropriateness / inappropriateness of the action. The semantic core of **vain** is the notion of the effectiveness of the action. In the article the author analyzes the main means of expression (lexemes *vainly*, *futile*, *in vain*) and reveals the particular meanings of **vain**: the failure and the fallacy of actions, ways of their expression and functioning of this semantics in statements.

In an earlier article the author considers the correlation of the subject of speech, the subject of the action and the subject of the modus of qualification of the action as vain. The author suggested that the frequency mismatch of the actor and the subject of assessment corresponds with the qualification object.

The purpose of the article is to identify and analyze patterns of interaction between the private value of vain and the grammatical category of time. The author gives statistical data of the frequency of use of markers of subjective meaning in combinations with verbs in different forms according to the Russian national corpus (ruscorpora.ru). Unconditional predominance of combinations with verbs in the past tense is logical: the action is assessed as inconclusive or wrong after its commission. The small number of combinations with verbs in the future tense is also quite understandable, since the forms of the future tense of the verb are possible only in the genre of caveats. The combination with verbs in the present tense is only possible in the case when we are talking about a repeated action, or when there is a neutralization of time. Synonymous lexemes, which are the markers of the modus of vain, have their own characteristics in the functioning. To indicate the futility of the action markers **tshchetno** and **zrya** are used in combination with verbs in the present, future and past tense, and the marker **naprasno** is used only in combination with the verb in the present and the future.

The meaning of the error of the action is marked by adverbs **naprasno** and **zrya** in combination with verbs in all temporal forms. The author expresses and substantiates the claim that pragmatics determines the choice of verb forms. The author captures the genre limitations of statements with the semantics of vain.

References

1. Bally, Ch. (2003) *Yazyk i zhizn'* [Language and life]. Translated from French. Moscow: URSS.
2. Shmeleva, T.V. (1988) *Semanticheskiy sintaksis: tekst lektsiy* [Semantic syntax: lectures]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
3. Shmeleva, T.V. (1995) *Sub'ektivnye aspekty russkogo vyskazyvaniya* [Subjective aspects of a Russian utterance]. Philology Dr. Diss. Moscow.
4. Zolotova, G.A. (1973) *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on the functional syntax of the Russian language]. Moscow: Nauka.
5. Vol'f, E.M. (1985) *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation].

Moscow: Nauka.

6. Pushkareva, O.V. (1998) *Modal'nost' strannogo: vzglyad skvoz' prizmu avtorskogo soznaniya Pushkina* [Modality of the strange: a look through the prism of the author's consciousness of Pushkin]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.

7. Steksova, T.I. (2002) *Semantika nevol'nosti v russkom yazyke: znachenie, vyrazhenie, funktsii* [Semantics of non-liberty in the Russian language: meaning, expression, functions]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.

8. Lesonen, N.V. (2008) *Vyskazyvaniya s semantikoy vynuzhdenного deystviya v sovremenном russkom yazyke* [Statements with the semantics of forced actions in modern Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novosibirsk.

9. Steksova, T.I. (2005) *Vnutripropozitivnost' modal'noy semantiki "nevol'nost' osushchestvleniya"* [Internal positivity of the modal semantics of "non-liberty of implementation"]. *Voprosy russkogo yazykoznanija*. 12.

10. Steksova, T.I. (2012) ["Vain" as an optional modus category]. *Prioritety sovremennoy rusistiki v osmyslenii yazykovogo prostranstva* [Priorities of contemporary Russian studies in understanding the language space]. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Vol. 1. Ufa: Bashkir State University. (In Russian).

11. Steksova, T.I. (2012) *Vyskazyvaniya s semantikoy naprasnosti v russkom yazyke* [Statements with the semantics of vain in the Russian language]. *Croatica et Slavica Iadertina*. VIII/II.

12. Leont'ev, A.N. (1975) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activities. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.

13. Trub, V.M. (1993) *Leksika tselesoobraznoy deyatelnosti* [Vocabulary of purposeful activities]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka: mental'nye deystviya* [Logical analysis of language: mental actions]. Moscow: Nauka.

14. Romanova, V.N. (2008) *Vyrazhenie modal'nogo znacheniya tselesoobraznosti/netsellesoobraznosti deystviya v odnosostavnykh glagol'nykh predlozheniyakh* [Expression of the modal meaning of expediency / in expediency of actions in mononuclear verb sentences]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

15. Zaliznyak, A.A. (2003) *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Ambiguity in the language and methods of its presentation]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

16. Zaliznyak, A.A. (2002) *Fenomen mnogoznachnosti i sposoby ego opisaniya* [The ambiguity phenomenon and ways to describe it]. *Voprosy yazykoznanija*. pp. 20 – 45.

17. Plungyan, V.A. (2001) *Antirezul'tativ: do i posle rezul'tata* [Anti-resultative: before and after the result]. In: Plungyan, V.A. (ed.) *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Plungyan, V.A.]. Vol. 1. Moscow: Russkiye slovari.

18. Plungyan, V.A. (1989) *K opredeleniyu rezul'tativa* [Defining the resultative]. *Voprosy yazykoznanija*. 6. pp. 124–149.

19. Baranova, N.A. (2005) *Sredstva vyrazheniya konativnoy bezrezul'tatnosti v nemetskom yazyke* [Means of expressing conative futility in German]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tambov.

20. Matkhanov, I.P. (ed.) (1992) *Modal'nost' v ee svyazyakh s drugimi kategoriymi* [Modality in its relations with other categories]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute.

21. Steksova, T.I. (2015) *Sootnoshenie sub'ekta deystviya i sub'ekta modusnoy kvalifikatsii v vyskazyvaniyakh s semantikoy naprasnosti* [The ratio of the subject of the action and the subject of modus qualification in utterances with the semantics of vain]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik*. 4.

22. Biryulin, L.A. (1989) *Semantika preventiva* [Semantics of the preventive]. In: Bondarko, A.V. (ed.) *Funktsional'nyy analiz yazykovykh edinits* [Functional analysis of linguistic units]. Moscow: Institute of Linguistics, USSR AS.